

О.М. КУДИНА

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Кафедра психологии и философии**ИДЕЯ СВЯТОГО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Научный руководитель – профессор Л.И. Кирсанова

В православии коллективное проживание святости проявляет себя как скрытое течение по отношению к власти в фигуре юродивого, а в XIX в. оформляется как институт старчества. Но без сакрального религиозные феномены превращаются в стереотипы культурного поведения. В современном мире идея святого может проявить себя при условии того, что феномены жизненного мира должны быть причастны к священному через символы и таинства.

Ключевые слова: коллективные типы святости, феномен юродивого как форма посмеяния власти, феномены жизненного мира в поле сакрального

In Orthodoxy collective residing of sanctity proves as the latent current in relation to the power in a figure of the fool for God's sake, and in XIX century is made out as institute starchyestvo. But without sacral religious phenomena turn to stereotypes of cultural behaviour. In the modern world the idea of the sacred can prove under condition of that phenomena of the vital world should be involved to sacred through symbols and sacraments.

Key words. collective types of sanctity, a phenomenon of the fool for God's sake as the form of a ridicule of the power, phenomena of the vital world in the field of the sacral

Многие сегодня пришли к вере через некое откровение, подчас совсем неожиданно. Открыв индивидуального Бога, люди не понимают, зачем нужна церковь, обрядовость. Отсюда и возникает разделение христиан на «церковных» и «нецерковных», что не совсем совпадает с западным разделением на «практикующих» и «непрактикующих». Непрактикующие- это чаще всего те, кто вышел из Церкви, в отличие от «нецерковных» - тех, кто еще не вошел в церковь¹.

О православной церкви пишут как о теле Христовом, в частности, что Церковь и есть сам народ, в отличие от католической или протестантской церкви. Чтобы более четко провести границу в понимании того, как происходит проживание религиозного опыта, нужно помнить, что всегда существует индивидуальное и коллективное проживание святости.

События пятидесятницы позволили апостолам развить свое индивидуальное отношение к Святому духу, другими словами, они осознали себя в роли учителей. Православная и католическая церкви являются апостольскими, т.е. они сохраняют таинство священства. Индивидуальный тип святости (священство) предполагает работу с паствой и ответственность за своих учеников.

В основе коллективного типа святости лежит народная культура. В православии это юродивые Христа ради, а в XIX веке - старцы. В отличие от католической церкви, где

коллективный тип святости все-таки был легитимирован (нищенствующие ордены), православная церковь очень осторожно относилась к коллективному типу святости: канонизированных юродивых было немного. Юродивый – это зеркало власти, голос народа, но в XV веке абсолютизация власти задавила этот тип святости. Сам процесс пресечения юродства был положен Никоном, который «нарицал их бешеными и лика их на иконах писать не велел». Институционализация священства, которое к XVII веку превратилось в административный институт (синод), привела к тому, что священники очень редко работали с паствой. В итоге роль священника утеряла элемент живой личной духовности и духовной силы. Не было выхода для эмоциональной, коллективной веры. И в 1917 году, когда большевики расстреливали священников, вчерашняя паства за них не заступилась.

Подъем народного самосознания после войны 1812 года, отмена крепостного права в 1861 году послужили толчком к богоискательству. Целые деревни старообрядцев уходили на поиски страны Беловодья, рая на земле, где нет и не может быть антихриста, где живут православные христиане и нет никаких гонений за веру. Известны случаи, когда в 40-х и 60-х годах XIX столетия большие партии старообрядцев снимались с места и уходили из Бухтарминского края на поиски Беловодья².

¹ Горичева Т. Христианство и постмодернизм. Л.: Издательство ленинградского университета, 1991.- С. 44

² Рерих Н.К. Беловодье. - Режим доступа: // <http://altay.sibro.ru/roerich/ral16.php>

Помимо поисков Беловодья, подъем народной святости связан с появлением такого религиозного института как старчество. Расцвет его приходится на 40-70 годы. Ф.М. Достоевский посетил Оптину в июне 1878 года и затем популяризировал идею старчества в своем романе.

Старцы не были монахами в строгом смысле этого слова, они приходили в монастыри из разных слоев общества, их можно назвать разночинцами веры. Современный вариант такого типа – отец Иван Охлобыстин, актер, режиссер. Несмотря на свое отрицательное реноме, созданное в киномире, он был рукоположен именно потому, что у него есть дар катехизатора. Как он сам о себе говорит: «На данном этапе у меня такая функция: я стalker. Я могу объяснить какие-то вещи неудобноносимые для современного сознания и подобрать священника, который будет вести дальше. Моя задача - направить в Храм³. Старцы – катехизаторы веры, они могут объяснить через символы на индивидуальном уровне, как действовать каждому человеку. Структуру подобного «встраивания» можно увидеть в частных советах преп. Иоанна Лествичника новоначальным инокам. «По качествам страстей наших должно рассуждать, какому руководителю отдаться нам в повиновение, и сообразно с тем такого и избирать. Если ты невоздержан и удобопреклонен на плотскую похоть, то да будет твоим учителем подвижник и в отношении к пище неумолимый, а не чудотворец, который готов всех примирить и угощать трапезою. Если ты высокомерен, то да будет твоим руководителем человек суровый и неуступчивый, а не кроткий и человеколюбивый⁴.

Символы организуют индивидуальный опыт человека. При этом каждому нужно указать его путь: именно поэтому старец Зосима Дмитрию в ноги кланяется, а Алеше велит уйти из монастыря. Для Алеси это послушание в миру необходимо, так как со смертью старца он теряет веру. Как только уходит взгляд, удерживающий его извне, он снова поддается страстям (аффектам): и колбасу есть, и к Грушеньке готов идти. И Дмитрию Зосима кланяется именно потому, что понимает его. Дмитрий напоминает ему самого себя, как говорит старец, я его будущему великому страданию поклонился.

Идея святого как феномен жизненного мира

Святость как один из феноменов человеческого бытия в современном мире может

³ Интервью в программе «Встречи на Моховой» Иван Охлобыстин. - Режим доступа: <http://www.5-tv.ru/programs/broadcast/502911>

⁴ Эжемлярский В. Старчество. - Режим доступа: http://www.krotov.info/libr_min/ae/aekzemp.html

проявлять себя по-другому, быть скрытой за другими формами. Это дает право говорить, что в современном мире идея святого существует вне процесса воцерковления.

Процесс усвоения родной культуры происходит на сознательном уровне: через социализацию (образование и воспитание), так и бессознательно, под влиянием различных житейских ситуаций. И здесь русская культура не мыслится вне православия и форм святости, повлиявших на русское самосознание.

Но без сакрального религиозный феномен превращается в стереотипы культурного поведения. Так, феномен юродства, изначально принадлежащий к феноменам религиозного мира, перешел в культурную модель поведения как феномен посмеяния власти. Институционализация святости привела к тому, что православная церковь не могла дать выход коллективной вере, направить и одухотворить этот импульс «маргинальности» и преобразовать безумие большого в безумие святого. И ситуация стала такова: юродство есть, а святости нет. Святое безумие юродивого заменяется кликушеством, делает его носителя (юродствующего) пациентом психиатрической клиники. Так, В. Новодворская была арестована КГБ в декабре 1969 года по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде (ст. 70 УК РСФСР) за распространение листовок с критикой ввода советских войск в Чехословакию (осуждена не была). С июня 1970 по февраль 1972 находилась на принудительном лечении в спецбольницах с диагнозом «шизофрения, параноидальное развитие личности»⁵. А. Сахаров был насильственно госпитализирован и подвержен мучительному кормлению. Я. Кротов сравнивает Андрея Сахарова с апостолом Андреем: он тоже мученик, но скорее формально, потому что остался жив. А. Сахаров пост-святой, а любое явление не возникает на пустом месте. Так все стоит на чьих-то плечах. Пост-святой стоит на юродивом, на негативе обычной святости⁶. Уточняя, мы скажем, он стоит на стереотипе культурного поведения, это юродство без святости.

О том, что идея святого перешла в феномен жизненного мира, мы можем говорить только при условии того, что феномены жизненного мира: любовь, труд, служение, забота - попадают в схему сакрального, они должны быть причастны к священному через символы и таинства.

⁵ Новодворская Валерия Ильинична. - Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F>

⁶ Кротов Я. Пост-Святой: Андрей Сахаров. - Режим доступа: http://www.krotov.info/yakov/6_bios/60/1989_saharov.htm

Священство как ответственность

Так как жизненный мир более широк, чем в христианстве, то мы предлагаем просеять феномены жизненного мира (ответственность, забота) через понятие святости на примере жизни известного священника Иоанна Кронштадского. Он понимал свое предназначение в жизни именно как заботу о других, которая перешла в свое высшее проявление - социальную ответственность, но уже в религиозном контексте.

Забота с позиций христианства наиболее показательна. Она во многом определяет выбор человека, избранного для себя священство. Возлюби ближнего своего как самого себя, поступай с другими так, как хотелось бы тебе, чтобы и с тобой так поступали – выбор христианина проявляется в заботе о Другом.

Православная церковь является апостольской, она сохраняет таинство священства, особую благодать – на священнослужение, на Заботу о пастве, о людях. Здесь Забота проявляется и действует в священном, которое переходит в феномен жизненного мира, в феномен Заботы.

Забота о людях, принятие на себя роли пастыря определяет жизненный мир отца Иоанна. «С первых же дней своего высокого служения Церкви, - вспоминал он, - я поставил себе за правило: сколько возможно искренне относиться к своему делу, пастырству и священнослужению, строго следить за собой, за своей внутренней жизнью. С этой целью я, прежде всего, принял за чтение священного Писания и Нового завета, извлекая из него назидательное для себя как человека, священника и члена общества»⁷.

Для описания жизненного мира отца Иоанна мы воспользуемся экзистенциальной аналитикой Мартина Хайдеггера.

Хайдеггер проводит аналитику «моего собственного сущего», обозначая его понятием Dasein. Сущность Dasein в его экзистенции (существовании). По Хайдеггеру, бытие не есть некоторая постоянная совокупность свойств, данная всем через трансцендентальную субъективность. Все, чем «бывает» Dasein было и есть его бытие, человек жил и живет им, никогда не исчерпываясь. Сущее этого бытия обладает свойством «быть чьим-то» (Jemeinigkeit), и потому может быть выражено при помощи личных местоимений «Я есть/был то-то и то-то». Dasein как индивидуальность может «выбирать себя в своем бытии» - быть или не быть чем-то, может потерять себя или вообще никогда не выбрать⁸.

Ситуация выбора в нашем случае однозначна: пророческий сон Ивана Сергиева только укрепляет его решение стать пастырем, принять священство. В первой же своей проповеди, произнесенной отцом Иоанном в кронштадском Андреевском соборе при вступлении в должность, двадцатипятилетний иерей сказал: «Сознаю высоту сана и высоту соединенных с ним обязанностей, чувствую свою немощь и недостойнство к прохождению высочайшего на земле служения священнического...но знаю, что может сделать меня более или менее достойным сана священника – это любовь ко Христу и ко всем».

Забота формирует экзистенциальный мир Dasein. Пространственность Dasein выражается в терминах «отдаленность» или «ориентация», причем именно в динамике отдаления и приближения. Мы видим, что с принятием сана священника, отец Иоанн, осознает себя духовным наставником, на него теперь возлагается особая благодать – священнослужение⁹. Забота о людях перерастает с социальную ответственность перед народом.

«Бытие в Мире» по Хайдеггеру, которое есть «бытие с другими» и «бытие - самого себя» проявляется в жизни Иоанна Кронштадского через экзистенциал Заботы, исходя из этого, выстраивается его жизнь и отношения с людьми. Главная задача священника – служить людям, а это для отца Иоанна – большая ответственность: «Я поставил себе за правило сколько возможно искренне относиться к своему делу и строго следить за собой, за своей внутренней жизнью».

Забота, ответственность за Других - это «бытие -с- другими», в экзистенциальной философии это способ найти свое истинное бытие. Другим здесь может быть любовь к близким, к Отечеству, забота о ближних. Это выход из безличного существования.

Встраиваясь же в систему социальных отношений, забота проявляет себя в этой структуре как социальная ответственность. Термин экзистенциальной философии забота переходит в термин социологический - социальная забота. Собственно само понятие ответственности определяется как социально-философское. Забота определяет жизненный мир Иоанна Кронштадского, наделяя его жизнь высшим смыслом.

Экзистенциал «сказа» как попытка означивания мира

Dasein – путь модификации безличного бытия, в процессе которого нарастает ощу-

⁷ Святой праведный Иоанн Кронштадский: Сборник / Сост. Т.А. Соколова. - М.: Новатор, 1998. - С. 25

⁸ Олешкевич Н.А. Религиозный опыт как способ экспликации жизненного мира/дис. канд. филос. наук: 09.00.13: защищена 17.12.04; утв. 20.05.05. - Вл., 2004. - 182с. - Библиогр.: с. 173-182. - КТ 151952

⁹ Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. - М.: Сов. энциклопедия, 1983. - С.46

щение «заброшенности» в не зависящие от индивидуума обстоятельства, совокупность которых предстает как иррациональное, чужое, являющееся источником страха и ужаса, который, однако, позволяет найти себя, ставя в «просвет бытия». Противостоит страху понимание (Vetstehen).

Иоанну Кронштадскому в детстве не давалась книжная премудрость, но «будучи приучен отцом и матерью к молитве, скорбя о неудачах своего учения, я горячо молился Богу, чтобы Он дал мне разум, - и я помню, как вдруг спала точно пелена с моего ума, и я стал хорошо понимать учение»¹⁰. Обращение к Богу с помощью молитвы дает надежду, на место страха и отчаяния приходит вера и понимание того, что твое существование не бессмысленно.

Понимание (Vetstehen) состоит в освоении ближайшего в качестве собственных возможностей, «в-мире-сущее» становится «сподручным», осваивается. Освоение идет здесь через речь. Dasein «забрасывает» себя в мир, делая его прозрачным, неведение же, наоборот, предстает как непрозрачность мира.

Итогом процесса понимания является изложение в модусе «сказывания». Это самоизложение Dasein при помощи обыденной речи, в которой оказывается освоенное индивидуумом в мире бытия. «Речь является источником Dasein, ключом к проникновению в жизненный мир каждого конкретно человека»

По Хайдеггеру, освоение есть основная стратегия вращения с жизненным миром. Путь к схватыванию анонимного и априорного мира лежит через высказывание, через речь, через анализ того, что показало себя в речи. Средоточием христианской жизни отец Иоанн считал молитву. Он, по завету спасителя, воспринимал храм Господень прежде всего как дом молитвы и призывал людей молиться искренно, сердечно, глубоко, с верой в чудодейственную силу молитвы.

Значение пастырства и священства в понимании и в сознании отца Иоанна необычайно велико: «Что за высокое лицо – священник? Постоянна у него речь с Господом и постоянно отвечает на его речь Господь. Священник – Ангел, не человек; все житейское он должен далеко оставить за собою».

Как мы уже говорили, понимание сущего приводит к необходимости выразить это в речи, в «сказывании». Слово становится проводником Откровения.

Язык в качестве проводника откровения обладает и «звуком» и «голосом» божественной тайны, присутствующей в звуке и голосе человеческой экспрессии и денотации и передающийся через них язык, если он наделен этой силой, является «Словом Божьим». Иоанн Кронштадский видит в слове человеческом образ слова Божия, а в слове Божиим усматривает присутствие и действие Самого Бога. Но и слово человеческое может стать вместилищем божественного присутствия. Если слово Бога актуализируется в деяниях и чудесах Божьих, то и слово человеческое может воплощаться в дела и чудеса, при условии, что через него будет действовать Бог.

Святой Иоанн с особым благовоением относился к имени Иисуса Христа. «Я так немощен, что именем Христовым только и живу, и упокоеваюсь, и веселюсь... - и без него – мертв душевно, беспокоюсь, стесняюсь сердцем», - пишет он¹¹.

Слово человеческое, проникнутое участием Бога, может явить чудо. Не случайно здесь и чудотворное врачевание Иоанна (по молитвам священника, а иногда по простому наложению рук). Перед нами буквально евангельская ситуация, когда слова и поступки отца Иоанна уподобляются деяниям Христа и апостолов.

Слово Божие как слово откровения является прозрачным языком. Сквозь покровы обыденного языка сияет (или точнее звучит) нечто такое, что является самопроявлением глубины бытия и смысла, выстраивая Dasein Иоанна Кронштадского.

¹⁰ Горбачева, Н. Б. Иоанн Кронштадский. - М.: Олимп: АСТ, 1999.- С.13

⇨ Там же. С. 18